

Осенние хроники в несовременном стиле

В Петербурге прошел VII международный фестиваль «Earlymusic» — очередной Septemberfest, двухнедельное путешествие в иную реальность в состоянии легкого опьянения музыкой полутысячелетней выдержки.

Фестиваль распахнул двери 19 сентября. Для всех, пришедших на открытие, четырехсот мест Малого зала Филармонии было явно недостаточно. Концерты Бальдассаре Галуппи и Игнаца Бибера звучали в исполнении музыкантов «Оркестра Екатерины Великой». Благодаря мастерству исполнителей и чудной акустике, прозрачное и ясное звучание ансамбля, тембровая индивидуальность каждой линии были слышны даже в самом отдаленном уголке зала. А под сводами зала парили два голоса, как птицы, «что в силах взлететь, но не в силах спуститься». Майкл Чанс и Наталья Косолапова, взявшая на себя нелегкую задачу заменить в концерте Эмму Керкби, солировали в «Stabat mater» Перголези.

Однако, на самом деле, все началось раньше, 17 сентября в музее Державина, когда с возгласом «Maestro!» в дверном проеме появился Майкл Чанс. Слушатели открытой репетиции смогли стать свидетелями того музыкального общения, которое неизбежно возникает, когда встречаются профессионалы. Филигранная отделка нюансов, чеканка трелей и украшений и настойчивые поиски точного звукового баланса. Плюс высокая требовательность к качеству каждого совместно взятого звука и непосредственное человеческое общение — вот и рецепт успеха.

Дуэт Эллен Харгис (сопрано) и Пола О'Детта (лютня) 21 сентября открыл серию «дворцовых» концертов. Эти концерты всегда окутаны особой атмосферой. Пространство зала, имеющее свою историю, энергетика, а как следствие и семантику, в сочетании с неповторимым *голосом* исполнителя и всей суммой ассоциаций, связанных с исполняемой музыкой, всегда создает особенный *текст*, функционирующий только в данном месте в данный момент. В тот вечер, слушая звук голоса и лютни, мы стали свидетелями рождения подобного текста. Актерский талант певицы сочетается с внимательным отношением к слову и артикуляции. Искусный концертмейстер, плетущий лютневые кружева, готов исполнить любую ритмическую прихоть солистки. Итальянские песни XVII века, благодаря долгому отзвуку изумительной акустики Мальтийской капеллы раскрыли свои тайны: от исчезающей под куполом мелодии до тишайшего шороха лютни.

Тишина — особая категория в музыке барокко, категория «незвучания», которая не менее значима, чем звучание само по себе. Потревожить тишину очень просто — любой случайный звук способен нарушить ее. Музыка в какой-то степени преступница, поскольку нарушает это священное молчание. И потому она должна быть действительно прекрасной!

Те, кому посчастливилось побывать на концерте Паоло Пандольфо и Гвидо Балестраччи в Малом зале Филармонии 23 сентября, стали соучастниками своеобразной медитации — каждый наедине с самим собой, с музыкой и с тишиной.

Негромкий, доверительный диалог двух виол покорила публику. Различные по темпераменту и звучанию инструменты вместе составляли изысканный по звуковой палитре ансамбль. Дуэт двух виол завораживал, не хотелось аплодировать, хотелось «слушать беззвучие». Нота за нотой музыка отвоевывала у тишины пространство, наполняя его чудными звуками — незримыми оттисками музыки ушедших эпох.

Особенно насыщенное музыкой время фестиваля с 23 по 28 сентября — каждый вечер концерты. Второе событие этого музыкального марафона — квартет блок-флейт «The Flanders Recorder Quartet» в Малом зале Филармонии. Четыре музыканта, имеющие в своем арсенале 150 флейт, создали универсальный инструмент с бесконечным разнообразием тембров, возможности которого не уступают и органу Баха, чьи произведения исполнители играли в собственной транскрипции. Чуть ненастроенное, как *chiaroscuro* на картинах старых мастеров, звучание ансамбля могло бы доноситься из окон дома, стоящего на «Улочке» Вермеера, уникальной в своей провинциальности. Уникален и сам квартет — полифония в квадрате, каждый голос имеет свой характер. Впрочем, определение «уникальный» по отношению к музыкантам *early music* — скорее родовой признак, чем индивидуальный. Ведь исключительность как норма и есть определяющее свойство течения.

Музыка — магическое искусство, язык, не поддающийся переводу. Искусство исполнителя — это искусство владеть эмоциональными состояниями, управлять стихией страстей. Усмирение какой-либо «стихии» — будь то гнев, тоска, радость или негодование — магическая игра особого рода.

«L'Echo du Danube» («Искусство меланхолии») — одна из особенных страниц в книге фестиваля. Прочувствовать все оттенки меланхолии — от меланхолического вдохновения до меланхолического безумия — можно было в дождливый и неприветливый вечер 25 сентября, в стенах Инженерного замка. Дуэт лютни (Ли Сантана) и виолы да гамба (Хилле Перл) позволил непосредственно ощутить магическую силу меланхолии и слегка прикоснуться к тайнам усмирения этой черной, беспричинной тоски.

«Не описать видения словами,
Но только так: поверь и ощути!»

...Сумерки, мрачные как полотна Эль Греко и особый магнетизм, заключенный в стенах самого замка... Неистовое, неровное сияние музыки позабытого XVII века и его призрачные имена: Фингер, Хёффлерус, Шенк... Исступленный голос виолы, словно предрекающий беду, и экзальтированная, самозабвенная игра Хилле Перл...

Все придавало меланхолии полынный привкус.

Безумство виолы сдерживал лишь аккомпанемент лютни, тонкий и чуткий. Незаменимая в дуэте лютня Ли Сантана казалась той спасительной тропинкой между безднами отчаяния и безумия, где трудно удержать равновесие.

Эстетический шок — вот то состояние духа, в которое повергло публику действие, развернувшееся, как ни странно, в зале Меншиковского дворца, на исходе первой недели фестиваля. Перформанс — вот самое подходящее определение его жанра. Новое иногда прорастает из старого, очень старого, но всегда является новым. Как фестиваль «Earlymusic» — явление современной культуры, так и само направление исторически-информированного исполнительства — часть новой музыки.

Мы все родом из XIX века, как мы ни пытаемся это скрыть. Наш слух воспитан на музыке гармонической, вертикальной. Но неизбежно возникает императив — переступить грань, выйти за пределы себя. Интуитивно слух начинает искать альтернативу и находит ее — в линейности музыки XX века, доклассической полифонии, ранней монодии. Не случайно именно XX век ощутил «тоску по мировой культуре» — одним из ответов стало течение *early music*. Поэтому мы, наследники ушедшего века, еще не доросшие до самоидентификации как люди века нового, слушаем песни раннего средневековья как музыку, родившуюся здесь и сейчас.

Ансамбль «Alla Francesca» (состав исполнителей варьируется в зависимости от программы) привез на фестиваль песни и танцы Италии, Прованса и Испании XII – XIV веков. Брижит Лен (вокал, арфа, ударные), Пьер Амон (флейты, волынка) и Карло Риццо (тамбурины, вокал), играя драматургически спланированное действие, то мелодией под мерные удары колокола, исполненной смертной тоски, то немыслимой энергетикой ритмов тамбурина вызывали видения то скорбной процессии флагеллантов, то неистовой деревенской сальтареллы. Исполнители срослись с инструментами: флейта, бубен, волынка — просто недостающая часть тела, которую природа не удосужилась дать человеку.

Кульминацией двухнедельного музыкального пиршества стали концерты Густава Леонхардта. Всего лишь два вечера (27 и 28 сентября) — и целый калейдоскоп имен: Луи Куперен, Жан Анри Д'Англебер, Матиас Векман, Иоганн Каспар Фердинанд Фишер, Иоганн Пахельбель, Дитрих Букстехуде, Карл Филипп Эммануил Бах...

Два вечера — два инструмента: серебристо звенящий под сводами Малого зала Филармонии клавесин и тихий шепот клавинофорда в Павловском дворце. И неподражаемый Леонхардт! Мастерство Леонхардта — результат того неумемного экспериментирования ученого-одиночки, из научной лаборатории которого вышло не одно поколение музыкантов. Экспериментальной лаборатории старинной музыки, в которой до сих пор не прекращаются поиски верных исполнительских решений, ставятся опыты в области ритма и формы.

Форма, по мнению Густава Леонхардта, и есть содержание, и любое изменение внешней формы ведет к изменению содержания. Поэтому формы у Леонхардта показательны по ясности пропорций и четкости линий. Небольшие, следующие друг за другом фрагменты текста настолько самостоятельны и так тонко детализированы, что их нелегко соединить друг с другом: ведь каждый стремится полностью завладеть вниманием слушателя. Блеск и твердость линий, отчетливость каждого штриха и умение свести изобилие деталей к ясно воспринимаемому целому — вот что не перестает удивлять в искусстве Леонхардта. Поражает единство двух свойств, которые вообще-то редко соседствуют, не разрушая друг друга — подвижности и жесткости. Не то у Леонхардта. Именно из противоборства этих двух свойств у него и рождается конечная форма, архитектура произведения.

Не довольствуясь простой видимостью форм, Леонхардт, как истинный маг и чародей, позволяет угадать и прочесть то, что стоит за этой видимостью. Каждая нота живет своей жизнью — нужно только отпустить ее в свободное плавание. И Леонхардт ей это позволяет, вступая в довольно рискованную, но оправданную в своей рискованности игру со временем, балансируя между полной ритмической свободой и диктатурой метрической сетки.

Однако абстрактной реконструкции авторского текста недостаточно, необходимо еще донести этот текст до слушателя. И только в исполнительской ситуации появляется возможность безошибочного воплощения авторского замысла. Только в исполнительской ситуации возможна форма, творимая здесь и сейчас.

Не самая малозначительная часть фестиваля — серия мастер-классов, которые в этом году проходили в музее Державина, что на Фонтанке, 118. Музыкантам еще совсем молодого в России направления *early music* представился редкий шанс взять уроки мастерства буквально «из первых рук», каковыми, без сомнения, являются руки основоположницы скрипичного исторического исполнительства Марии Леонхардт. Также мастер-классы в Петербурге дали Майкл Чанс, Эллен Харгис, Пол О’Детт, руководитель ансамбля «The Flanders Recorder Quartet» Хан Тол и Уильям Донгуа.

Слушатели и участники мастер-классов в очередной раз смогли задать вопросы тем, кто знал ответы на них. Кто может измерить цену урока, преподанного прославленным лютнистом молодым музыкантам, которые вынуждены заниматься игрой на лютне самостоятельно. Эмоциональный и обаятельный Пол О’Детт показывал постановку руки и писал в нотную тетрадку упражнения для начинающих, а Эллен Харгис, в синем свитере походившая скорее на американскую домохозяйку, чем на прославленную барочную певицу, с таким же добродушием объясняла артикуляцию староанглийского текста в песне Дауленда. Голландский флейтист Хан Тол прочитал целую лекцию об истории блок-флейты, а также об истории течения *early music*, о барочных риторических фигурах, приемах исполнения, голландской живописи, *et cetera*.

Остается только сожалеть о том, что по организационным причинам не состоялся мастер-класс ансамбля «Alla Francesca», одного из самых ярких и загадочных гостей фестиваля. Но легкую горечь сожалений компенсировали три дня мастер-классов Марии Леонхардт (с 27 по 29 сентября), прошедшие в теплой атмосфере дружеского общения. Мария Леонхардт делилась секретами мастерства с участниками «Оркестра

Екатерины Великой», но они не были единственными. Каждый, кто принес с собой скрипку, получил возможность поучиться у великой скрипачки.

Уильям Донгуа рассказывал об искусстве импровизации. Самая большая опасность для начинающего исполнителя — желание дать волю фантазии и придумать что-то свое. Напротив, сначала нужно изучить строгие правила диминуции и уметь их правильно применить. Только тогда можно обрести настоящую свободу и превратить упражнения в музыку. Можно импровизировать и совместно, тогда каждый участник ансамбля занимает свою часть музыкального пространства, не мешая друг другу. Подобное дружеское музыкальное общение происходило вечером того же дня, 2 октября в Большом Петергофском дворце — Уильям Донгуа (корнет), Анн-Катрин Бюше (клавесин), Брюно Хельстроффер (теорба) играли музыку позднего Ренессанса. В программе «La barca d'amore» звучали гальярды, сальтареллы, пассакальи Антонио Валенте и Антонио Феррари, И.К. Керля и Франческо Роньони, а еще диминуции на темы итальянских песен.

Третьего октября в Царском Селе фестиваль завершился даже не концертом, а спектаклем французского ансамбля «L'Arpeggiata». В составе ансамбля — инструменты (теорба, гитара, псалтерион, ударные), два голоса (легкий беззаботный тенор и глубокое хрипловатое контральто) и даже танцовщица, чья эмоциональность, доходящая до иступления, вызывала в памяти образ юродивой из «Страстей по Андрею» Тарковского. Ансамбль на невысокой эстраде и утопающий в роскоши Зеркальный зал Екатерининского дворца вместе создавали некое звуколюминесцентное пространство, а феерическое действо логически завершилось праздничным фейерверком. Перед ярко освещенными окнами и высыпающей на улицу публикой, шумно ахающей при каждом залпе,

с оглушительным треском взрывались и угасали разноцветные шутихи. Под тихое шипение последней угас и сам фестиваль. Оживленно делясь впечатлениями, разошлись гости, подсвеченный дворец скрылся за поворотом, пригород вошел в ночь и тишину. Ту тишину, которую дозволено прерывать лишь иногда, в редких, особых случаях.

Любая ли музыка достойна этого?

Разрешено ли нарушить тишину шутихой?

В Петербурге прошел VII фестиваль «Earlymusic». Увы, мимо многих. Прошел удивительный праздник, оставив после себя осень и размышления. В одиночестве. В тишине.

Ольга ПАНТЕЛЕЕВА
Ольга ЧУМИКОВА
студентки ИТФ
(Фото авторов)

